
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (XIII—XV вв.)

М. Г. Рабинович

В многовековой истории нашей страны вряд ли был более тяжелый период. Ведь почти все это время — без малого 250 лет — Русь была под ненавистным, иссушавшим самую душу народа татаро-монгольским игом. В 30-х годах XIII в., как смерч, прошли по Русской равнине полчища Батыея, разрушая села и города, истребляя или уводя в полон их жителей, оставляя после себя лишь выжженную землю. Но едва затихали вдали топот батыевых коней, рев верблюдов и скрип нагруженных награбленной добычей телег, как на пожарища возвращались уцелевшие люди, стучали топоры, поднимались из пепла селения, соха и серп снова начинали «ходить» в поле, в темной и дымной кузнице ковали орудия труда и оружие для грядущей борьбы.

Созидательный труд крестьян и горожан стал той основой, на которой выросло могущество московских князей, позволившее через 140 лет разбить полчища Мамая на поле Куликовом, а еще через 100 лет свергнуть последние остатки ига. В этот период складывалась русская народность — основа будущей нации, вокруг Москвы начало создаваться сильное централизованное Русское государство, в его городах и деревнях развивались те черты народного быта, которые впоследствии стали характерны для русских в целом. Они образовывались на базе культуры Древней Руси, в тесном взаимодействии различных областных традиций, в постоянной связи и взаимовлияниях с культурой других населявших Московское княжество народов.

Подавляющее большинство русских в то время были хлебопашцами: не только все крестьяне, но и некоторая часть горожан. Основная часть территории Московского государства лежала в лесной зоне, лишь на юге подходя к лесостепи. Получая основные средства существования от земли, они должны были все время расчищать ее от леса. Без такой расчистки не только нельзя было сколько-нибудь существенно расширить запашку, но и восстановить заброшенное поле, которое, едва переставали его пахать, зарастало мелколесьем. Поэтому чуть ли не главным орудием крестьянина-земледельца был железный топор. Во второй половине XIII в. и первой половине XIV в. русское хлебопашество еще только оправлялось от татаро-монгольского разорения. Крестьяне вновь осваивали заросшие сорняками поля, пользуясь старыми орудиями — сохой, плугом и ралом, железные рабочие части которых были еще невелики. Археологические находки показывают, что рост размеров железных сошников, наблюдавшийся в X — начале XIII в., после монгольского нашествия приостановился. Это объясняется тем, что страна переживала общий экономический упадок. Лишь почти через 100 лет произошло разительное увеличение размеров рабочих частей пахотных орудий. Процесс восстановления сельского хозяйства закончился к середине XIV века. Во второй его половине и в первой половине XV в. широко распространяется паровая зерновая система земледелия при трехпольном севообороте, когда одна часть земли засеивается озимым хлебом, другая — яровым, третья отдыхает — находится «под паром». Переписчики, указывая размер запашки, измеряли, как правило, одну ее часть — озимое или яровое поле, прибавляя, что всего у этого владельца три поля, «а в дву по тому же».

Господство трехполья наступает лишь во второй половине XV века¹. Главным пахотным орудием стала двузубая соха с парой массивных (примерно вдвое крупнее прежнего) железных сошников. В ряде мест применялась и более усовершенствованная соха с приспособлением для отвала земли — полицей.

В условиях лесной полосы соха оказалась удобнее плуга и рала, и влекла ее обычно одна лошадь. Боронили пашню деревянной плетеной бороной, жали хлеба серпами, форма которых в зависимости от местных условий значительно различалась; травы косили косами. На отвоевываемых у леса землях существовали подсечная система, перелог и двуполье со своими орудиями — бороной-суковаткой, ралом, мотыгой, косой-горбушей. Вновь освоенные земли назывались «новь», «новина», «росчисть», «сеча» (от слова «сечь» — вырубать лес, расчищая пашню), «ропашь», «приора» (здесь слышатся слова «орать» — «пахать»). В рассматриваемый период источники все чаще упоминают такие земли, указывая тем самым на усиленный темп освоения новых земель. Возделывали главным образом рожь, но значительное место среди зерновых культур занимали также пшеница, овес, несколько меньше были распространены ячмень, просо, гречиха. Из бобовых культур возделывали горох и чечевицу, реже — бобы. Для еды из тогдашних полевых культур шла также репа (огородной культурой она стала много позднее). Лен и коноплю возделывали для получения волокна, из которого пряли нити и ткали материи, а также для отжима из семян растительного масла.

Овощи выращивали в огородах, без которых не обходилось ни одно хозяйство ни в деревне, ни в городе. Наиболее распространенной огородной культурой была капуста (отчего и весь огород зачастую называли «капустником»). Разводили также лук, чеснок, огурцы, редьку, морковь, свеклу, тыкву². Огородничество имело древние традиции и достигло больших успехов. Один иностранец с удивлением описывал, как искусно выращивались в Московском государстве дыни — растение теплолюбивое, более характерное для юга³.

Источники упоминают, что в усадьбах феодалов и крестьян были также сады, в которых иногда имелось по несколько десятков фруктовых деревьев, по большей части яблонь и вишен, реже слив и черешен⁴. Это свидетельствует о довольно большом значении садоводства в сельском хозяйстве. В городах садов, по-видимому, было значительно больше: во всяком случае, московский посол в Риме Д. Герасимов сказал своему собеседнику, что почти каждый дом в Москве имеет огород и сад как для пропитания, так и для удовольствия хозяев⁵.

Развитие земледелия было немислимо без скотоводства. Основным рабочим животным являлась лошадь; волю, которых так охотно впрягали в ярмо на юге — в лесостепной полосе, на севере встречались редко. Но одну — две коровы держал почти каждый крестьянин и многие из горожан; разводили также мелкий рогатый скот (овец, в меньшей степени коз) и свиней⁶. Стадо не только обеспечивало мясную и молочную пищу, но давало еще и навоз — удобрение, без которого трудно обойтись при трехполье. Летом скот пасли на заливных лугах, зимой содержали в стойлах (в источниках упоминаются и конюшни и хлева) или без стойл, в загонах на открытом воздухе.

¹ А. Д. Горский. Сельское хозяйство и промыслы. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 1. Материальная культура. М. 1970, стр. 67, 95—97; В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды» Государственного исторического музея (ГИМ). Вып. 32. М. 1956, стр. 28.

² А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 40—45, 92, 102.

³ С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб. 1908, стр. 98. Описание сделано в первые десятилетия XVI в., но, видимо, дыни выращивались так уже не один десяток лет.

⁴ См., например, «Новгородские писцовые книги». Т. I. СПб. 1859, стр. 306; Т. V. СПб. 1908, стр. 574.

⁵ «Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII». СПб. 1908, стр. 263. Рассказ Герасимова относится к 1525 г., но посол отмечал положение, сложившееся значительно раньше.

⁶ В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. «Древности Московского Кремля». Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. М. 1971, стр. 182.

Крестьянин в те времена, чтобы расширить запашку, должен был расчищать от леса новые участки, распахать целину, «драть» их, как тогда говорили. Есть предположение, что от этого слова произошло и название крестьянского поселения — «деревня». Первоначально это был просто двор крестьянина с жилыми и хозяйственными постройками, расположенный среди обрабатываемой им земли «с пашнею, лугами, пожнями и со всякими угодьями, и со всем тем, что к той деревне потягло, куда соха, коса и топор ходили»⁷, — так обычно писалось в документах. По мере того, как дети в семье становились взрослыми и обзаводились своим хозяйством, деревня росла, но в основном в ней было 2—3, но никак не больше 5 дворов. Только к концу XV в. появились деревни в 10 и более дворов. Крестьянин, отдавая сына, чаще «пускал его жить в починок», то есть помогал расчистить новый участок и поставить свой дом, положить начало новой деревне (в самом названии «починок» содержится знакомый корень «почин» — «начало»). Более крупным поселением являлось село — центр «боярщины», то есть феодального владения, где был «большой двор» феодала (в котором нередко жил его управитель — тиун, ключник, или, по более поздней терминологии, приказчик) и дворы зависимых от него людей. Здесь же зачастую строились церковь и при ней дворы попа, дьякона. Всего в селе бывало 10—20, иногда даже 30 дворов. К селам «тянули» окрестные деревни, заселенные зависимыми от того же владельца крестьянами. Источники часто говорят о таких «селах с деревнями».

Иногда феодал, желая заселить свою землю крестьянами, давал тем, кто здесь поселится, льготы по феодальным повинностям — «свободы», большей частью лишь на определенный срок. Эти поселения так и назывались «свободами», или «слободами». Слободы были не только земледельческими, но и ремесленными (последние чаще представляли собой не сельские поселения, а отдельные кварталы в городах). На севере и северо-западе русских земель сохранялись еще и погосты, бывшие некогда центрами сельских общин. В XIII—XV вв. имели значение в основном расположенные на погостах церкви и кладбища при них, почему впоследствии и самое слово «погост» приобрело значение кладбища.

В то время христианство еще не вытеснило полностью древних, дохристианских обрядов. Вплоть до XIV в. крестьяне зачастую хоронили покойников по-старому, под курганами, и группы этих холмиков, встречающиеся большей частью по берегам рек и ручьев, обозначают, что поблизости находилось когда-то сельское поселение. Остатки таких поселений — «селища» еще мало изучены археологами, но уже сейчас можно сказать, что в более крупных поселениях крестьянские дворы располагались либо в ряд, по берегу ручья, реки или оврага, либо просто кучей.

Что же представлял собой в те времена крестьянский двор? Источники XIV и XV вв. обыкновенно характеризуют его кратко: «изба да клеть». Можно думать, что большинство крестьянских усадеб состояли, как и в более ранние времена, из теплового жилого помещения — «истобки» (от слова «топить»), или избы, и хозяйственной постройки — клетки, служившей и стойлом для скота, и хранилищем для хозяйственных вещей и запасов. Судя по характеру упоминаний, постройки эти еще не были соединены сенями, а стояли отдельно друг от друга. В более зажиточном, например, поповском, дворе упоминается «мовница», то есть баня, и овин для сушки снопов⁸. Двор и огород обносила забором — тыном. Остатки крестьянских жилищ XIII—XV вв. при раскопках встречаются редко. Изба, по-видимому, чаще всего состояла из одной только комнаты, обогреваемой большой глинобитной или сложенной из камней печью. В этот период постепенно исчезают старинные полуземлянки — углубленные в землю жилища с каркасными, присыпанными землей стенами и земляным полом, — и по всей территории Русского государства, включая подзону широколиственных (дубовых) лесов и лесостепную зону, где было мало строевого леса, распространяются срубные дома с деревянным (изредка с земляным) полом. В северных районах, где более суровый климат, изба и раньше строилась из сосновых или еловых бревен на высоком подклетке и имела тесовую двускатную крышу; в южных и западных использовались и другие породы дерева, дома были ниже, с крышей из дранки или соломы.

⁷ См., например, «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков». Ч. I. М. 1951, стр. 57.

⁸ См. «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.». Т. I. М. 1952, №№ 6, 247, 522, 571.

Изба была невелика: сруб примерно квадратный, 4×4 — 5×5 м, с выступающими наружу концами бревен. Едва ли не четверть ее занимала печь без трубы, наполнявшая всю избу едким дымом. Тепло стремились сохранить всеми средствами. Стены сруба тщательно проконопачивали, входную дверь делали одностворчатой, с высоким порогом, окна прорубали маленькие, как щелочки, и те задвигали задвижками, едва выпустив дым. В такой избе и днем было темно, ее освещали пучком горящей лучины, торчавшим в железном светце. Положение печи и входной двери определяло всю внутреннюю планировку избы. У устья печи была «середа», или «бабий кут» (угол): здесь готовили пищу. Между печью и боковой стеной устраивали «примост» — полати для спанья, а напротив «примоста», наискось от устья печи, находился «красный кут» — самое почетное место в избе, где висела икона, стояли стол и лавки. Здесь ели, принимали гостей, молились⁹. Угол у той же стены напротив красного, по диагонали от «бабьего кута», был, по-видимому, местом, где работали свою домашнюю работу мужчины. По стенам шли полки («грядки») с нехитрой домашней утварью — деревянными мисками, тарелками, ковшами и ложками, глиняными печными горшками, сковородами («латками»).

Скромная обстановка избы дополнялась обычно ткацким станком — «кроснами», затейливыми резными прялками. В крестьянском хозяйстве того времени почти ничего не покупали; чтобы одеть себя и семью, крестьянка должна была всякую свободную минуту тратить на то, чтобы напрядь из льна, конопли или шерсти ниток, наткать из них материи, сплести из материи нужные семье вещи. «У ленивой пряхи и про себя нет рубахи»¹⁰, — говорит старая пословица. Надо было одеть и мужчин и детей, а девушка должна была сама себе приготовить приданое. Поэтому деревянные льнотрепальные ножи, точеные веретена, гребни для расчесывания льна, прялки и части кросен нередко попадаются при раскопках, а маленькие глиняные грузики для веретен — едва ли не самая частая находка. До монголо-татарского разорения и в Северной Руси почти каждая женщина имела красивое пряслице из розового шифера, которое коробейники заносили сюда с Киевщины. В XIII в. производство пряслиц там прекратилось, и русские женщины вновь стали пользоваться глиняными пряслицами, нередко сами приготавливая их из черепков разбитых горшков.

Одежда крестьян в XIII—XV вв., в общем, мало изменилась по сравнению с более ранними временами. В XIII—XIV вв. Северо-Восточная Русь еще сохраняла следы племенных нарядов. Судя по находкам в курганах, крестьянки носили длинные полотняные рубахи с рукавами, схваченными у кистей «обручами» — браслетами (сами эти слова — и русское и французское — происходят от слова «рука»), с прямым разрезом ворота, застегнутым на бронзовую пуговку. Поверх рубахи надевали старинную набедренную одежду — понёву из шерстяной клетчатой ткани. В прохладную погоду на плечи накидывали плащ из грубой шерстяной ткани — «вотолу» или одежду с рукавами — «свиту». Узор тканья понёвы и дополнявшие женский наряд украшения были в древности у каждого славянского племени свои. Например, вятичи, на территории которых возникла Москва, носили ожерелья из круглых хрустальных и удлиненных сердоликовых бус, по сторонам лица — красивые семилопастные привески — бронзовые или серебряные, на пальцах рук — решетчатые перстни. Исследователи думают, что вообще в одежде вятичских женщин чередовались красный и белый цвета — белый хрусталь и красный сердолик, белые серебряные и красные бронзовые украшения, белый холст рубахи и красная ее вышивка¹¹, — а понёва была в синюю клетку¹². Замужние женщины носили красивый высокий головной убор (возможно, уже тогда его называли кичкой), украшенный затейливой вышивкой, а у более богатых сверкавший золотой парчой. В XIV—XV вв. характерные в прошлом для вятичей семилопастные привески приобрели несколько иной облик: стали крупнее, с 3 — 5 лопастями и сложным ажурным узором.

⁹ Названия «примост», «середа», «бабий кут» в источниках XIII—XV вв. не встречаются, они появились позже.

¹⁰ В. И. Даль. Пословицы русского народа. М. 1957, стр. 509.

¹¹ А. В. Арциховский. Одежда. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 1, стр. 278—279.

¹² Н. И. Лебедева, Г. С. Маслова. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда». М. 1967, стр. 214—215.

Наиболее распространенной обувью были плетеные лыковые лапти, которые различались особым, присущим данной области способом плетения. Деревенские жители носили и кожаную обувь: мягкие туфли из одного куска кожи — «поршни», а кто побогаче, и более сложные туфли — «чоботы» (немного напоминавшие ботинки) и даже сапоги. Но в основном кожаная обувь была отличительным признаком горожан.

Холщовые штаны и рубаха с прямым или косым разрезом ворота, подпоясанная вязаным или кожаным поясом, на котором висели огниво, гребень, нож и другие необходимые предметы, — этот немудреный крестьянский мужской костюм в XIII—XV вв. был уже почти таким же, как и 400—500 лет спустя. Иногда лишь можно было заметить пряжку пояса древней вятческой формы, напоминающей лиру. Свиты и ветоли, а зимой — нагольные козухи были одинаковы у мужчин и у женщин.

Незатейливая крестьянская еда сохраняла свой древний земледельческий характер. Наверное, и для того времени была справедлива пословица: «Щи да каша — кормилица наша». «Мясоястных» дней (когда церковь разрешала есть мясо) было в году меньшинство. Около 200 дней были постными, когда щи варили пустыми, в кашу клали растительное масло, готовили кисели и, конечно, все это запивали хлебным квасом. И в мясоед говядину, баранину, свинину, птицу варили и жарили («пекли», как тогда говорили) в небольших количествах. Несколько более разнообразен был рыбный стол: в реках ловилось множество судаков, лещей, щук, окуней, линей, сомов и даже осетров и севрюг. Рыба считалась едой «полупостной», церковь разрешала ее и в нестрогий пост. Молоко, творог и сыр можно было есть тоже только в мясоед. По праздникам на столе появлялись пироги, пиво и мед. Водки тогдашняя Русь еще не знала. Характерные для русских три ежедневные трапезы — завтрак, обед и ужин — установились давно, по крайней мере в XI—XII веках. Однако образ жизни крестьян, особенно в летнюю пору, когда отправлялись в поле чуть свет, наверное, не позволял зачастую завтракать вместе всей семьей. И, вероятно, появившийся уже в более позднее время обычай «полдничать» — есть четвертый раз в поле между обедом и ужином — тоже не распространялся на всю семью. Во всяком случае, церковные правила предписывали обязательно молиться перед обедом и ужином, а перед завтраком и полдником этого не требовалось.

Семейная трапеза, судя по позднейшим наблюдениям этнографов, проходила чинно, чтобы не сказать торжественно, и в тех случаях, когда не было гостей или праздников. «Большак» (глава семьи), помолясь, садился за стол в красном углу, под образ, справа и слева от него рассаживались на лавках строго по старшинству другие члены семьи. Хлебали из большой общей миски, тщательно соблюдая очередь — опять-таки от старших к младшим. И скудная крестьянская еда строго распределялась между всеми. «Что пожуешь, то и поживешь, что укусишь, то и потянешь»¹³, — гласит народная пословица.

Для развития русских ремесел в XIII—XV вв. характерно углубление разделения труда между городом и деревней, между отдельными ремеслами, появление и развитие новых ремесленных специальностей. Это особенно ясно видно на примере развития добычи и обработки металлов. «Варка» железа — получение его из руды — издавна считалась делом трудным. Если до монголо-татарского разорения железо варили и в деревнях, и в городах, то в XIII—XV вв. это производство все более сосредоточивается в сельской местности, где были залежи болотных руд. Так кричники, или домники, отделились от кузнецов. В город чаще всего привозили уже готовые сгустки железа — крицы, которые кузнец должен был перед тем, как употребить в дело, хорошенько раскалить в горне и проковать, чтобы они не были пористыми. Но еще в XIV в. можно было встретить мастерские кричников, в которых могли не только вываривать крицы, но и отливать, например, бронзовые украшения. Такая мастерская обнаружена при раскопках в Москве, на месте, где теперь стоит гостиница «Россия». Здесь проходила тогда Великая улица, соединявшая Кремль с пристанью на Москвереке. Дом ремесленника выходил на улицу, а горн стоял в глубине двора. В горне получалось железо, а тигли, в которых плавилась бронза, мастер ставил то в горн, то в домашнюю печь. В одной из комнат дома он, по всей вероятности, и отливал в формах мелкие поделки¹⁴.

¹³ В. И. Даль. Указ. соч., стр. 803.

¹⁴ М. Г. Рабинович. О древней Москве. М. 1934, стр. 81—97.

Кузнечное дело разделилось на множество профессий: кроме кузнецов, появились гвоздочники, ножовники, игольники, замочники, а в XIV—XV вв. — и пушечники¹⁵. Ювелиры-литейщики («литцы») тоже выделились в самостоятельную профессию, появились сережечники, колечники, пуговичники и т. п. Литейные формы для них делали уже другие мастера — резчики. Сами формы, найденные при раскопках, в XIV—XV вв. изготовлялись с таким расчетом, чтобы за один раз в них можно было отлить несколько одинаковых вещей (например, девять булавок или четыре пуговицы). Видимо, мастер-литейщик работал уже не по специальному каждому раз заказу, а рассчитывал на рыночного покупателя и требовал от резчика таких форм, которые позволяли работать более производително. Появились и «стандартные» тигли, в которых плавилось одновременно около 800 граммов металла, чтобы тут же разлить его в несколько форм и получить сразу десяток-другой изделий для продажи.

Но, пожалуй, наиболее важным было развитие литья колоколов и пушек, требовавшего умения не только плавить и разливать большие (иногда в сотни пудов) массы металла, но и заранее рассчитывать каждый раз качества будущего изделия — звук колокола, дальноточность пушки, вес ядра, которым можно из нее стрелять. Для этого, например, делалась восковая модель пушки в натуральную величину, а затем огромная, сложная (может быть, даже разъемная) форма. Освоение крупного литейного производства имело важное значение для усиления военной мощи государства. Ведущую роль в этом деле играла Москва. Еще в 1342 г. московский мастер Борис был приглашен в Новгород для литья колокола, а четыре года спустя, по-видимому, он же изготовил в Москве пять колоколов. Пушки, появившиеся на Руси не позже 1382 г., сначала ковали, изготовляя массивные железные пластины, которые затем соединяли с помощью железных обручей, и только в XV в. стали отливать из бронзы. Самые старые русские бронзовые пушки отлиты в начале 80-х годов XV века. «По повелению... великого князя Ивана Васильевича государя всеа Руси сделана бысть сия пушка в лето шесть тысяч девять сот девяносто первое (1483 г. — М. Р.) месяца апреля, в двадешатое лето господарства его, а делал Яков. Весу 16 пуд», — гласит надпись на одной из пушек. В Москве для литья пушек была учреждена «Пушечная изба», позднее преобразованная в Пушечный двор¹⁶. Здесь работали мастера — пушечники, «ливцы», непосредственно производившие литье, и кузнецы.

Разделение труда углублялось и в других отраслях ремесла. Если до XIII—XIV вв. в одних и тех же мастерских «усмарей» выделывали из шкур кожу, кроили и шили из нее разнообразные вещи, то к XV в. сапожники уже обособились от кожевников. При раскопках мастерских кожевников были обнаружены зольники (деревянные ящики с золой, в которых от шкур отделяли шерсть), дубильные чаны, нередко сохранявшие до наших дней запах кожи, целые залежи коры, употреблявшейся для дубления. В сапожных мастерских найдены ножи для раскряпки кожи, прямые и кривые шилья для разнообразных швов, воск для вошения драгты, молотки, колодки и, конечно, обрезки кожи и остатки обуви: сапожник не только шил новую обувь, но чинил старую, а иногда и скупал ее, чтобы использовать при починке. Позднее среди сапожников появились и более дробные специальности — голенищники, подошвенники, каблучники.

Большие сдвиги произошли в XIII—XV вв. в гончарном ремесле. Если сама формовка изделий происходила по-прежнему на ручном гончарном круге, то обжигали их уже не в домашней печи, а в специальных обжигательных печах-горнах, которые раньше были известны, но применялись не так часто. Так, в Москве во второй половине XIII в. около $\frac{4}{5}$ керамических изделий обжигалось еще в домашней печи и только $\frac{1}{5}$ — в горнах. В первой половине XIV в. в печах и горнах обжигалось примерно поровну, еще через 100 лет $\frac{4}{5}$ изделий — в горнах, а к концу XV в. едва ли только десятая часть всего, что сделали гончары, подвергалась печному обжигу¹⁷. Конечно, нельзя сказать, что процесс внедрения гончарного горна в керамическое производство

¹⁵ Б. А. Колчин. Ремесло. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 1, стр. 160—178.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 600—606; Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 205—210.

¹⁷ М. Г. Рабинович. Культурный слой центральных районов Москвы. «Древности Московского Кремля», стр. 109.

шел очень быстро, но для периода феодализма и такое изменение за два столетия — явление значительное. Гончары овладели процессом обжига настолько, что в XV в. научились применять так называемый восстановительный обжиг, позволявший делать из красной глины вещи темного цвета, до тех пор распространенные в Поволжье и на Востоке. Понемногу возродилось производство кирпича, столь необходимого для каменного строительства.

Разумеется, это только наиболее важные сдвиги в развитии русских ремесел. Число ремесленников неуклонно росло как в городах, так и в сельских местностях. Увеличивалась и дробность специализации. По неполным данным, к концу XV в. на Руси насчитывалось более 50 ремесленных профессий, в том числе по добыче и обработке металлов, ювелирному делу и производству оружия — 22 специальности, по выделке кожи, тканей, шитью одежды, обуви и упряжи — 14, по различным видам обработки дерева — 9 и по производству пищевых продуктов — 9 специальностей¹⁸. Наиболее типичной для рассматриваемого периода оставалась еще небольшая мастерская, в которой работали 1—3 ремесленника¹⁹, но появлялись и крупные ремесленные предприятия — зародыши позднейших мануфактур.

В конце XV в. возник еще один тип сельского поселения — ремесленный и торговый «рядок». Это поселок переходного типа, соединявший некоторые черты деревни и города. Был он не укреплен, обычно вытянут в виде улицы, заселяли его в значительной мере земледельцы, но занимавшиеся также различными промыслами и ремеслами. Рядки в 10—20 дворов известны главным образом в Новгородской земле, относительно бедной городами. Но главную роль в развитии русской промышленности и торговли сыграли большие и малые города. Они были средоточием не только ремесел и торговли, но и политическими, административными и культурными центрами. Многие важные черты народной культуры возникли и развились первоначально в русских городах. «Городские бюргеры, — писал Ф. Энгельс о средневековой Европе, — стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений»²⁰. Эта роль горожан, прежде всего городских ремесленников, видна на Руси, несмотря на губительные последствия монголо-татарского разорения, столь же ясно, как и в Западной Европе. Те сдвиги, которые так ярко проявились в XV—XVI вв., были подготовлены развитием городов в XIII—XIV веках.

Войска Батыя разрушали города с особой жестокостью. Но, как показали археологические раскопки, подавляющее большинство городов вскоре вновь поднялось из развалин. Все же ущерб, нанесенный монголо-татарами, был огромен, и во многих отношениях русские города были отброшены назад на десятилетия, а то и на века. Значительно сузились или вовсе прекратились надолго многие важные городские производства, среди них производство поливной посуды, стекла, кирпича и др. Пока русские города восстанавливались, западноевропейские города значительно обогнали их в своем развитии. Горожане там создали свои сильные организации и добились в борьбе с феодалами серьезных успехов. Даже в таких крупнейших русских торгово-ремесленных городах, как Новгород и Псков, феодалы играли большую роль, сохранив, по существу, в своих руках и городское управление.

Известно, что ко времени Батыева нашествия на Руси было до 300 городов²¹. А сколько их было в XIII—XV веках? Ответить на этот вопрос не просто. Даже если бы мы могли счесть все города, разоренные монголо-татарами, и выяснить, какие из них потом захирели, какие создались вновь, этого было бы недостаточно, чтобы представить себе число русских городов. Ведь границы Русского государства были теперь иными, и некоторые земли оказались за его пределами, как, например, богатая городами Галицкая земля, да и сам Киев, «мать городов русских», не входил в это время в состав Руси. В конце XIV в. был составлен своеобразный список русских городов («А се имена градам русским дальним и ближним»). В нем 358 городов, но лишь 139 из них находились в пределах тогдашней Руси, а когда Литва захватила Смоленск и окрестные

¹⁸ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л. 1937, стр. 418—425.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 702.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 407.

²¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 43.

земли, это число уменьшилось на добрый десяток. Вместе с тем были уже тогда и такие города, которые не попали в список, например, Углич, Рославль, Перемышль на Моче²². Думается, что мы не слишком ошибемся, если предположим, что к концу XV в. на Руси было около 150 городов.

Интересно проследить некоторые черты развития городов в тот трудный для Руси период. В течение XIII—XV вв. наряду со старыми городами, игравшими большую роль и до монголо-татарского нашествия, выросли и развились другие, не бывшие ранее столь видными центрами. В ряде случаев им удалось отодвинуть на задний план старые города, из которых только немногие, как Новгород Великий и Псков, сохранили до конца XV в. важную роль в жизни страны. В северо-восточных и восточных областях Руси переживали бурный рост Москва, Тверь, Нижний Новгород, Переяславль-Рязанский. Такой значительный прежде город, как Рязань, постепенно прекратил свое существование, и самое имя его впоследствии перешло к Переяславлю-Рязанскому. Существовало также множество маленьких городков, обслуживавших прилегающую округу, административных центров волостей и уделов, например, Можайск, Белоозеро, Старица, Холм. Некоторые из них (Галич или Звенигород) в эпоху феодальных войн переживали своеобразный расцвет, становясь на короткое время эфемерными «столицами» претендентов на московский великокняжеский престол.

Особенности развития города отражались и на его облике. Город отличали в те времена прежде всего укрепления, которые, собственно, и назывались «городом», или «градом». Но не всякую крепость можно назвать городом в том понимании городского поселения, о котором мы говорили. Город имел и неукрепленную часть — ремесленный и торговый посад, а также торговую площадь («торг»). Эти три части непременно были в большом и в маленьком городе, но крупный феодальный центр, резиденция сильного князя, имел более мощные укрепления, обширную торговую площадь, а то и несколько таких площадей. Московский великий князь в 1367 г. построил каменный Кремль, утвердив значение Москвы как столицы складывавшегося Русского государства. А, например, в Новгороде Великом грозные валы и каменная стена, защищавшие посад, а также положение княжеской резиденции вне города (на Рюриковом городище) были обусловлены особенностями политического строя Новгородской феодальной республики, существовавшей до 1478 года.

Большой русский город был чрезвычайно живописен. На выгодной в стратегическом отношении возвышенности (обычно на берегу реки, при впадении в нее другой реки или оврага) стоял «детинец», или «город», как тогда называли кремль. Здесь находился двор правителя-князя, наместника архиепископа, дворы приближенных, возвышался собор, где хранилась и городская казна. Стены и башни (в ту пору по большей части делались из срубов, засыпанных землей), усиленные в опасных местах рвом, надежно защищали правителя и его окружение не только от нападений внешних врагов, но и на случай восстаний городских «черных людей», которые бывали нередко. При приближении же неприятеля горожане укрывались в детинце и обороняли его, а посады нередко сжигали сами, чтобы враг не мог воспользоваться ими для осады. Кремль, по словам А. С. Пушкина, был «с златоглавыми церквами, теремами и садами». Именно таким нарисовал Тверской кремль художник XV в. на иконе Михаила и Ксении. Над рубленой (видимо, из брусев) стеной возвышаются островерхие башни, за ними виден княжеский терем и собор с большой центральной главой и маленькими луковками глав приделов. На огромной деревянной, также крытой шатром звоннице три колокола, справа — еще какая-то многоярусная (кажется, надвратная) церковь, еще и еще купола. Судя по этому рисунку, вероятно, сделанному с натуры²³, уже в XV в. русские зодчие любили увенчивать ансамбль построек вертикалью, перекрытой шатром. Вообще шатры башен и звонниц в сочетании с покрытыми полу-

²² См. М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки». Т. 40. 1952, стр. 218. Следует заметить, что составитель списка употребляющее слово «град» в значении «крепость» (например, «Порхов камен»). Все же подавляющее большинство перечисленных им «градов» не были только крепостями.

²³ Он вполне соответствует известию летописи о том, что в 1394 г. князь Михаил Тверской «ветчаную стену у града Твери повеле рушити, да туде брусем рубити, и на другое лето кончаша». «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XI. М. 1965. стр. 156.

кружиями по закомарам кровлями и куполами церквей придавали русскому городу своеобразный силуэт. С высокой башни дозорные наблюдали, не приближается ли откуда враг. На таких башнях в XV в. любили ставить часы с боем (первые появились в 1404 г. в Москве). Верхи княжеских и боярских дворцов тоже делались затейливой формы и богато украшались: из сказаний о Мамаевом побоище известно, что дворец Дмитрия Донского увенчивал «златоверхий терем». Наверное, он возвышался над всеми окружавшими его постройками, если княгиня и ее свита собирались там, чтобы бросить прощальный взгляд на выступившее против монголо-татар московское войско.

Мосты (иногда подъемные) соединяли детинец с остальной частью города, раскинувшейся на одном или на обоих берегах реки. Обычно у самых его стен была главная торговая площадь, но иногда, как в Новгороде Великом, она находилась напротив кремля, на другом берегу реки. Торг, как правило, простирался до речной пристани и был застроен рядами лавок и шалашей, патрональными церквями купеческих обществ и гостинными дворами приезжих купцов. Можно себе представить эту площадь в базарный день полной народа. Здесь и местные торговцы, и крестьяне из окрестных деревень, продававшие свои продукты, чтобы купить городские товары, а в больших городах еще множество купцов, приехавших из ближних и дальних земель. Разногласный, разноязычный шум этой пестрой толпы смешивается с ревом приведенного на продажу скота. Вдруг все это покрывают звуки трубы, и на притихшей на мгновение площади городской глашатай — бирич громогласно объявляет какие-нибудь вести, например, о запрете продавать крицы железа с возов или о розыске беглого. А на реке у пристани разгружаются все новые суда. Зимой, когда мороз сковывал воды, торг раскидывался и прямо на льду реки.

Богатство торго больших городов, обилие товаров, разумеется, было относительным. В ту феодальную пору рынком жило далеко не каждое даже городское хозяйство, не говоря уже о крестьянском. Но на современников такой торг производил глубокое впечатление. Недаром знаменитый былинный герой Садко, похваставшись выкупить весь новгородский торг, на третий день увидел, что «принаполнился гостинный ряд дорогими товарами московскими..., да пораздумался: как я выкуплю товары ведь московские..., подоспеют... товары заморские..., пусть побогатее меня славный Новгород...»²⁴. А про московский рынок сложили пословицу, «что в Москве торгу, то бы у тебя в дому».

От кремля и торго к окраинам города расходились кривые, узкие оживленные улицы посада, выводившие большей частью на сухопутные дороги к другим городам. Их пересекали еще более узкие переулки, так что получался причудливый лабиринт, в котором, наверное, мог ориентироваться не всякий горожанин, а не то что приезжий. Сама улица не представляла тогда ряда стоящих плечом к плечу домов. По обеим сторонам деревянной мостовой тянулись солидные частоколы заборов, прерываемые только мощными воротами да глухими стенами хозяйственных построек. Жилые дома обычно строили в глубине двора, и лишь в XIV—XV вв. ремесленники в больших городах начали ставить свои дома-мастерские так, чтобы покупатель мог войти прямо с улицы. И то это практиковалось в районах, прилежавших к торгу. А на окраине по-прежнему надо было стучаться в ворота и довольно долгое время слушать лай собак, прежде чем впускали во двор.

В русских городах не было такой тесной застройки, как в западноевропейских или восточных. Городские дворы занимали сравнительно большие участки. От этого русский город при одинаковом количестве населения казался гораздо больше такого же западноевропейского города. Посады располагались вокруг «города»-крепости. В Новгороде это были знаменитые «концы» — самоуправляющиеся кварталы, два на правом и три на левом берегу Волхова. Подобные «концы» были и в некоторых других городах²⁵. Москва, еще в конце XI в. занимавшая только часть мыса при впадении Неглинной в Москву-реку да узкую прибрежную полосу на месте позднейшего Зарядья, к XIV в. перешагнула за Неглинную, Язузу и за Москву-реку. Кроме Большого, или

²⁴ «Былины». Л. 1950, стр. 253—254.

²⁵ А. В. Арциховский. Городские концы в Древней Руси. «Исторические записки». Т. 16. 1945.

Великого, посада источинки упоминают Занеглименье, Залузье и Заречье, позднее называвшееся Замоскворечьем.

В самых крупных городах посады защищала вторая линия укреплений: земляные валы с деревянными заборами и башнями. В Новгороде Великом на валу были каменные башни и целые участки стены. Внешние валы во Владимире, Твери были незаурядными крепостями, в Москве же Великий посад и Заречье в XIV—XV вв. были укреплены лишь рвом и валом, а мощная система внешней обороны города сложилась только в XVI веке. В стене, окружавшей посад, ворот было немного, и к ним сходилось обычно по несколько улиц. Рост города, как правило, опережал строительство укреплений, и за внешней их линией почти всегда были еще не укрепленные кварталы. А вперед выдвигались укрепленные монастыри — своеобразные форты, принимавшие на себя первые удары врагов. Уличная планировка была характерна для посадов, а в детинце улиц не было, усадьбы группировались «кучей» вокруг княжеского двора и собора. Застраивались города неравномерно: в удобных для поселения «бойких» местах было относительно тесно, а ближе к окраине строения ставились реже, попадались и большие пустыри.

Городская усадьба («двор»), конечно, не была одинакова у простого посадского человека, у богатого купца и у жившего в городе знатного боярина. Крупные феодалы и монастыри владели иногда целыми кварталами. Не всегда боярин занимал всю эту землю под собственный двор. Чаще на ней устраивали слободы, заселяя их ремесленным и торговым людом. Но оставалось еще предостаточно земли, и городская усадьба феодала мало чем отличалась от его сельской резиденции. За мощным тыном размещалось несколько жилых домов; в одном из них жил хозяин, в других — зависимые от него люди — дворня (не тогда ли появилось столь распространенное впоследствии название «людская изба»?) или арендаторы, среди которых могли быть и ремесленники. Здесь же были добротные хозяйственные постройки, прежде всего надежные погреба и ледники (ведь нужно было хранить привозимые из деревни продукты: на рынке их не покупали), конюшни, хлева, поварни, мыльня, амбары. Одна открытая при раскопках новгородская усадьба XIII в. включала 12 строений, а могло быть и больше. И, конечно, в такой усадьбе было несколько дворов — «чистый», или парадный, и хозяйственные, задние, огород и сад, иногда даже с прудом. Археологи пока не отрыли ни одной усадьбы, которую можно было бы бесспорно назвать двором купца. Нужно думать, что богатые купеческие дворы по своему характеру приближались к усадьбам феодалов, а купцы победнее жили почти так, как зажиточные ремесленники.

Большинство дворов в городах принадлежало ремесленникам. Участки их были гораздо меньше и едва вмещали жилой дом, который в то же время был и мастерской, другие производственные сооружения (например, кузнечный, литейный или гончарный горн), хозяйственные постройки — хлев, конюшню, баню, погреб и амбар, где хранились запасы и готовая продукция. Отдельная постройка для мытья — «мыльня», или баня, как стали говорить позднее, в XIII—XV вв. уже существовала по крайней мере в богатых усадьбах. В бане, сгоревшей при пожаре Москвы в 1468 г., нашли даже личную печать ее владельца Ивана Коровы, который покинул мыльню, как видно, в большой спешке, спасаясь от огня. Все же множество рядовых горожан и крестьян, особенно в южных областях, по-видимому, мылось в домашней печи.

Жилой дом горожанина первоначально был таким же, как и крестьянская изба в окрестных селениях. Даже если город стоял в зоне лесов, но на безлесном участке — «ополье», как, например, Суздаль, горожане победнее жили в полуземлянках. Однако как раз раскопки Суздаля впервые показали, что именно в городах с их относительно более высокоразвитой экономикой жилище стало совершенствоваться раньше, чем в сельских местностях. Уже к XIII в. в Суздале наземные постройки сменили полуземлянки. Вообще в XIII—XV вв. территория, где строили срубные дома, расширилась, охватив не только Суздальщину, но и Смоленщину, где в древности преобладали полуземлянки. Да и на юге тогдашней Руси археологическими раскопками полуземлянок не обнаружено. Дальнейшее развитие жилища шло по линии увеличения числа помещений. Пристраивали сени, иногда даже не срубные, а более легкие — столбовые. Но этот тип дома — изба с сенями, по-видимому, привился больше в деревнях. В городах же стали строить сразу двухкомнатные избы, перегораживая сруб пятой бревенчатой

стенкой. В Новгороде таких изб было много уже в XI—XII веках²⁶, в Москве же наиболее древняя изба-пятистенник относится к концу XIV—началу XV века. Она принадлежала ремесленнику-литейщику. Появился в городах и столь характерный для поздних времен трехраздельный дом, в котором два сруба («изба» и «клеть» или две избы) были соединены неотопляемыми («холодными») сенями. Но даже в Новгороде Великом, где такие постройки появились в XII в., их два века спустя все же было меньшинство. Понадобилось не одно столетие, чтобы это более совершенное жилище распространилось сначала в большинстве городов, а потом и в деревнях. В переписных книгах городов XVI—XVII вв. запись о том, что у посадского человека дом состоит из двух изб, соединенных сенями, довольно обычна, но было еще много однокамерных изб, изредка встречались и двухкамерные — типа «изба с сенями». В деревнях еще и в XVIII в., по-видимому, преобладало двухраздельное жилище — изба с сенями, а пятистенки распространились только в XIX веке.

Городской дом, особенно в лесных северных землях, был, по тогдашним понятиям, высоким. Избы были либо «поземными» и утеплялись земляной завалинкой, либо на подклетах. Подклет на севере делался довольно высоким и служил для разного рода хозяйственных нужд. В одной боярской усадьбе Новгорода (XV в.) нашли берестяную грамоту, которая гласила: «А стоять во подклете, кто придет с берестом»²⁷. Видимо, в этом боярском подклете была своеобразная приемная, где полагалось ожидать тем, кто принес какую-нибудь грамоту («бересто»). Над подклетом располагались жилые комнаты. Не потому ли и назывались они «горницами» («горнее» — верхнее помещение)? Уже в XIII—XV вв. наряду с «черными» горницами, где печь была курной, в богатых домах появились и горницы «белые». Здесь стояла печь с трубой, и окна были не волоковые, а «косячатые», то есть с косяком, как это делается и теперь. Закрывались они пузырем или слюдой; только князь мог позволить себе иметь стеклянные окна, да и то, конечно, не во всех дворцовых помещениях, а лишь в златоверхом тереме. Дом очень богатого человека был даже не двух-, а трехэтажным: внизу находились подклеты, над ними основные жилые и парадные помещения — горницы и своеобразная терраса для приемов гостей в летнее время, которая по старинке называлась еще «сени». Верхний этаж составляли светлицы и терема, устроенные так, что окна их выходили на разные стороны, и окруженные открытыми площадками — «гульбищами». Едва ли не непременной частью богатого дома были «пвалуши» — высокие башнеобразные здания обычно в три «жилья» (этажа), где могли размещаться и парадные, украшенные росписью горницы.

Роспись внутренних помещений появилась на Руси очень рано. Былины, описывая терема знати, не забывают упомянуть, что они были расписаны, видимо, на сюжеты дневного и ночного неба («на небе солнце — в тереме солнце, на небе месяц — в тереме месяц, на небе звезды — в тереме звезды, на небе заря — в тереме заря и вся красота поднебесная»)²⁸. Могли быть и другие сюжеты: изображения людей и животных, бытовые и производственные сцены, наконец, просто растительный или геометрический орнамент. Но в описываемое нами время роспись делали только в богатых домах, где имелись «белые» горницы, светлицы и терема. «Черную» избу крестьянина или рядового горожанина расписывать было ни к чему: копоть покрыла бы все после первой же топки. Печь с трубой, наверное, белили и расписывали, а с XVI в. стали украшать изразцами. Наружные украшения домов в XIII—XV вв. размещали, очевидно, с таким расчетом, чтобы их было видно снаружи и в том случае, если дом стоял в глубине двора. Даже простая изба имела поэтому фигурный «конек» на крыше, а кровле теремов знати придавался затейливый силуэт. Шатровые кровельки устраивали и над крыльцом.

С улицы были видны и резные ворота (в особенности богато украшали резьбой «верей» — столбы, на которые навешивались полотнища). Хоромы богача намного превосходили жилище человека рядового как по качеству и отделке жилых помеще-

²⁶ П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, 1963, стр. 57.

²⁷ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М. 1954, № 40, стр. 39—40.

²⁸ Былина про Соловья Будимировича. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.-Л. 1958, стр. 14.

ний, так и по их количеству. Но даже у крупных феодалов в их личном пользовании было лишь несколько комнат, главной из которых по-прежнему была теплая изба. Некоторые традиционные черты можно увидеть в том, что «красный» угол был обязательно у богача и у бедняка.

Одежда горожан отличалась от крестьянской, но имела с ней множество общих черт. И крестьянская и княжеская рубахи были одного покроя, но у знатного человека рубах имелось несравненно больше, и шили их из шелковой материи, украшая дорогим шитьем. Примерно так же обстояло дело и с другими «портами» (так называли всю одежду, от этого слова и название профессии «портной»). Не только у знати, но и у рядовых горожан одежды было больше, чем у крестьян, она была лучшего качества, чаще шилась из привозных материй, иногда пополнялась вещами «заморской» моды. Едва ли не полный комплект одежды горожанина упомянут в своеобразной расписке, процарапанной на бересте в Новгороде в XIII веке. Какие-то «Гришка и Коста» заложили ростовщику Сидору почти всю свою одежду вместе с «тоболами» (чемоданом). И взяли «бересто», где перечислены сапоги, шапка, кожух, свиты и сорочки²⁹. Костюм Кости и Гриши не слишком-то отличался от крестьянского: порты и сорочка, сверху в прохладную погоду — свита, а зимой — овчинный кожух, на голове шапка, но на ногах не лапти, а обязательно сапоги, фасон которых изменялся согласно моде. О том, что простой горожанин, как и крестьянин, мог не только быть дома, но и выйти на улицу в одной рубахе, говорят встречающиеся изредка изображения горожан XIII—XV веков. Художники рисовали их в красных, синих, зеленых рубахах, с вышивкой или аппликацией у ворота. Были, наверное, и холщовые рубахи, но и те, надо полагать, украшались вышивкой. Ворота рубахи всегда низкий, открывающий шею.

Судя по некоторым изображениям, богатые люди носили поверх белой сорочки еще одну рубаху, цветную, и кафтаны различных фасонов, застегивавшиеся спереди на множество пуговиц и подпоясывавшиеся в несколько оборотов матерчатым кушаком. Впрочем, у знатного человека (в особенности, если он занимал какую-нибудь высшую должность) пояс был «золотым», иногда парчовым, а у князей, насколько можно судить по их завещаниям, и из золота. «Золотыми поясами» называет в XV в. иностранец знатных новгородцев — членов «совета господ». Узкий, облегчающий фигуру кафтан именовался терлик. Упоминается в документах и женский кафтан — чупруп. Воротник кафтана в те времена был отложным. Верхние летние одежды были свободными и довольно длинными, надевались на плечи внакидку так, что рукава висели. Иногда эти рукава специально шили такими узкими, что в них даже нельзя было продеть руку. Такая одежда называлась опашень, или охабень. У знати сохранялся еще и плащ без рукавов — приволока. Носили знатные люди и такую простонародную одежду, как кожух, но кожух этот был богато украшен, иногда расшит жемчугом.

Богатый мужчина в XIII—XV вв. носил множество украшений. Отложной воротник его одежды — «оплечье» был вышит золотом, украшен нашитыми золотыми и серебряными бляхами, драгоценными камнями. Княжеское оплечье — «бармы» — представляло собой обычно цепь из драгоценных медальонов. Вместе с богато убранной полусферической шапкой бармы издревле составляли княжеские регалии. На одном примере мы можем проследить, как перерабатывались в русской среде иноземные влияния. В те времена у ворота богатой одежды нашивали иногда золотую с камнями бляху — «алам». Этот обычай, судя по самому названию, пришел на Русь с Востока. Исследования археологов и историков показали, что в XIV в. московский князь (скорее всего Иван Калита) получил в подарок от татарского хана Узбека золотую тюбетейку и какую-то драгоценную одежду с двумя золотыми ажурными алами. Они имели ту же форму стилизованных цветков лотоса, что и украшения тюбетейки. То была работа бухарских ювелиров, составлявшая драгоценный «гарнитур». Но московские князья распорядились им по-своему. Золотая тюбетейка, которую на Востоке повивали чалмой, была им в таком виде не нужна. В ней сделали по нижнему краю опушку из соболей, это придало ей почти традиционную форму русской княжеской шапки. Верх увенчали крестом. По завещанию Ивана Калиты, «золотая шапка» досталась старшему сы-

²⁹ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М. 1958, № 141, стр. 17—19.

ну Семену и впоследствии всегда переходила к старшему в роде московских великих князей, а потом царей. Это и есть знаменитая «шапка Мономаха», о которой уже в XVI в. сложили легенду, будто сам византийский император Константин Мономах послал свой драгоценный венец на Русь, Владимиру Мономаху.

А одежда с алами, видимо, просуществовала в таком виде недолго: бляхи с нее спорили, и они украшали какую-то утварь, возможно, даже конскую упряжь, доставшуюся другим наследникам.

Не только женщины, но и мужчины носили на шее, как и в более давние времена, металлический, часто витой обруч — «гривну». Богатые люди надевали и золотые цепи с крестами или медальоном. На пальцах рук сверкали перстни. Горожанки, по-видимому, носили еще иногда по сторонам высокого кокошника, или кики, старинные привески, но этот обычай постепенно выходил из моды, как и характерная для горожанок манера носить разноцветные стеклянные «обручи» — браслеты. К XV в. браслеты, серьги и перстни были уже металлическими (у бедных — бронзовыми, а у горожан побогаче — серебряными, позолоченными и даже золотыми) и утратили черты былых племенных украшений.

По-видимому, в городах в тот период постепенно переставали носить понёву. На смену ей появилась длинная шитая одежда с лямками на плечах, а то и с рукавами. Носили ее поверх рубахи и называли шубой или шубкой (в позднейших актах писали «шубка холодная» в отличие от теплой, меховой). Наряду с этим названием стало бытовать и новое — «сарафан». В XV в. так называли еще только длинный мужской кафтан, но уже к XVI в. сарафаны встречаются в перечне женской одежды богатой городской семьи. А еще позднее сарафан обозначал только женскую «шубку», а мужской кафтан лишь изредка. Сарафан прочно вошел в комплект женской одежды в городах, а понёву в XVI—XVII вв. горожанки уже не носили. Из города сарафан постепенно проникал в деревню. На плечах горожанки носили короткую кофту с рукавами — «душегрею», иногда на меху. Среди вещей княгини Юлианны Волоцкой, скончавшейся в 1503 г., упоминается «душегрейка лисья». Верхней женской одеждой у простолюдины была все та же свита, у горожанок побогаче — опашни и летники — свободная одежда с широкими рукавами, украшенными яркими «вошвами», иногда с драгоценными камнями. Зимой носили меховые шубы и кожанки, меховые шапки. Головной убор горожанки, как и крестьянки, сохранял еще в полной мере древние традиции. Только девушка могла ходить с непокрытой головой. Женщина же ни в коем случае не должна была «светить волосом». Важнейшей частью свадебного обряда было торжественное расплетание девичьей косы и тщательное убиение волос под бабью кичку, которую женщины уже никогда не могли снимать при посторонних. Что касается кос, то их заплетали не только девушки, но и Новгородцы и мужчины. Впрочем, уже в XIV в. мужчины чаще стриглись «в кружок».

Пища рядовых горожан в XIII—XV вв. была похожа на крестьянскую, но кое в чем и отличалась от нее. В земледельческой стране основу питания повсюду составляли продукты сельского хозяйства. Однако если в деревне ели в основном то, что возделывали на своем поле, в своем огороде, то в городе уже довольно часто покупали еду на рынке. Если в деревне все, что ставилось на стол, варилось и пеклось дома, то горожане к XV в. зачастую покупали не только мясо, крупу («заспу»), жито или муку, но и печеный хлеб различных сортов и всякие напитки. Документы XV в. упоминают прасолов, мясников, хлебников, калачников, медоваров, пивоваров, сытников. В дальнейшем «пищевая промышленность» в городах развивалась еще более бурно. Пожелания Домостроя поменьше покупать продуктов оставались втуне. К середине XVI в. в таких городах, как Тула, около трети всех лавок на рынке торговали съестным. В производстве пищевых продуктов, как и в других ремеслах, шла дальнейшая специализация: переписи последующего времени говорят не только о хлебниках и калачниках, но и о блинниках, пирожниках, пряничниках и т. д. В деревнях же лишь один вид печеного хлеба (просфоры — особые булочки, употреблявшиеся в некоторых обрядах православной церкви) давно изготовлялся специалистами — проскурниками или проскурницами — при каждой церкви.

Горожане, разумеется, чаще покупали и разные припасы, привозимые из далеких стран. Археологи находят в городах, например, скорлупу грецких орехов, минда-

ля, но как раз в XIII—XV вв., когда южная торговля была нарушена монголо-татарами, привоз грецких орехов явно сократился, а скорлупа местных орехов лежит в городах иногда целыми слоями. Издалека привозили на Русь перец и иные специи, и, конечно, горожане употребляли их чаще, чем сельские жители. В отличие от крестьянина, который и в поле ел принесенную из дому пищу, горожанин мог купить себе что-нибудь на рынке и тут же съесть. Но в основном и он питался дома, и трапезы (завтрак, обед, полдник, ужин) были в городе такими же традиционными, как и в деревне. Так же соблюдались и посты. Качество и количество пищи в городских семьях различалось еще больше, чем в деревенских. На столе бедняка не всякий день были пустые щи, горожанин побогаче мог позволить себе есть ветчину, мясную или рыбную уху (бульон), а на пирах великого князя подавали десятки разнообразных «перемен» (блюд). Но на масленицу все пекли блины, в другие праздники — пироги и медовые пряники и готовили иные кушанья.

Домашняя утварь горожанина была более разнообразной, чем у крестьянина. Лавки, грядки, столы дополнялись рундуками (своеобразными сиденьями), а в домах богатых и знатных, по-видимому, также креслами с резными спинками. Посуда разделялась на кухонную, столовую и парадную. Основным сосудом для приготовления пищи оставался глиняный горшок, место которому всегда было в печи. Особенности русской печи, в которой сосуд с готовящейся едой находится не над огнем, а рядом с ним, на одном уровне, обусловили устойчивость горшка как основной формы кухонного сосуда: он мог успешно обогреваться сбоку, а не снизу. Но, кроме горшков (которые часто снабжались крышками), горожане знали и сковороды — глубокие, как современные кастрюли, с полыми ручками, в которые, чтобы не обжигаться, вставляли еще деревянную рукоятку. Нужно думать, что их не ставили в самый жар, в глубину печи, а употребляли для какой-то готовки или разогревания еды у печного устья. Кухонная посуда дополнялась разными сосудами для приготовления молочных продуктов — высокими горшками типа современных кринок или сосудами с широким венчиком и специальным горлышком для отделения сливок, наконец, своеобразными глиняными решетами для откидывания творога: дно их было все в мелких отверстиях, как современные дуршлаг. При раскопках находят и деревянные формы для изготовления узорных «печатных» пряников.

Столовая посуда выделялась более тщательно. Деревянные тарелки и миски, которые находят в культурном слое городов XIII—XV вв., уже в большинстве своем тщательно обточены на токарном станке, некоторые ложки сохранили следы росписи. Большое количество довольно тщательно отделанных небольших глиняных мисок позволяет предположить, что, хотя обычай есть из одной большой миски еще не был оставлен, столовая посуда все же становится мало-помалу индивидуальной. Деревянные и глиняные кубки и стаканы, ковши-черпаки, разнообразные кувшины для разливания жидкости дополнялись новыми сосудами восточного типа — кумганами, напоминавшими современный кофейник. Для XIII—XV вв. характерно появление в русских городах красивых, покрытых разноцветной глазурью чашечек-пиал работы хорезмских мастеров. Русская знать издавна ела на серебре и даже на золоте. Серебряные и позолоченные тарелки, блюда, кубки, братины (большие сосуды для питья «вкруговую», когда пили, например, за здоровье князя, и каждый, отпив, передавал братину соседу), разного рода чаши и мисы употреблялись и в XIII—XV веках. Но монголо-татарское разорение сказалось и здесь. В XIII и XIV вв. даже княжеская казна была гораздо беднее драгоценными сосудами, чем в прежние времена, и только к концу XV в. двор московских князей снова стал удивлять иностранцев обилием золотых и серебряных кубков, стоявших на особых поставках в пиршественной палате³⁰. Новгородское боярство и раньше пользовалось драгоценной посудой работы новгородских и иноземных мастеров. Люди попроще употребляли посуду оловянную или медную, которую, по-видимому, уже в XV в. делали и в московской Котельнической слободе.

Из домашней утвари горожан упомянем еще два важных предмета — рукомоиник и подсвечник. Бронзовые водолеи в виде животных, фигур всадников или фантастиче-

³⁰ К. В. Базилевич. Имущество московских князей в XIV—XVI вв. «Труды» ГИМ. Вып. III. М. 1926, стр. 40.

ских существ привозили на Русь издавна, но бытовали они только в высших слоях общества. Более широко распространились в XIV—XV вв. глиняные рукомошники. Это были обыкновенные горшки с ушками для подвешивания и двумя носками в виде морд животных, например, лошади, или стилизованной фигуры барана. Освещение комнат в городах не ограничивалось лучиной, хотя железные светцы были в каждом доме. Были и глиняные светильники: плоские с вертикальной спиралью-ручкой. В них наливали масло, плавившее огонь фитиля. Перед иконами горели лампадки. Сальные или тем более восковые свечи зажигали только в богатых домах. Для них и делались глиняные на невысокой ножке или железные подсвечники.

Важным результатом экономического, политического и культурного развития Северо-Восточной Руси в рассматриваемый период было возобновление чеканки монет. Исследователи связывают исчезновение монет в XII в. не только с нехваткой серебра (значительная часть его к тому же уходила после монголо-татарского завоевания в качестве дани), но и с феодальной раздробленностью³¹. Не случайно первыми появились в 70-х годах XIV в. московские монеты, вслед за ними в конце XIV — начале XV в. — монеты великих княжеств Тверского, Нижегородского, Рязанского, а также Новгорода Великого и Пскова, потом монеты удельных князей — Серпуховских, Можайских, Верейских, Городенских, Кашинских и др. Монеты эти различались по цене: например, 3 московские деньги равнялись 2-м рязанским или 4-м тверским. Возвышению Москвы сопутствовала унификация монетной системы. Если деньга (серебряная монета Дмитрия Донского) по содержанию серебра была связана еще с древнерусской куней, то в XV в. в основу монетной системы лег рубль, содержащий 78,9 грамма серебра. Из него чеканили 100 новгородских или 200 московских денег. Постепенно выработалось и устойчивое оформление московской деньги с изображением всадника с копьем или саблей и надписью, содержащей титул и имя князя. Татарская тамга, начеканивавшаяся на первых монетах, исчезла. Уже Василий II Темный начал добавлять к великокняжескому титулу ставшие обычными на монетах его сына, Ивана III, слова: «И государь всея Руси». Развитие монетного чекана в XIV—XV вв. подготовило создание в XVI в. единой государственной русской денежной системы.

Мы рассмотрели далеко не все сферы материальной культуры XIII—XV вв., коснувшись лишь тех ее сторон, которые были характерны для складывавшейся тогда русской народности, — основных занятий, типов поселений, усадьбы и жилого дома, народной одежды, пищи, утвари и денег. Во многих из этих важных разделов материальной культуры произошли в XIII—XV вв. серьезные изменения и сдвиги, определившие особенности дальнейшего развития народной культуры в целом. Новый подъем русской культуры, начавшийся во второй половине XV в., был обусловлен успехами хозяйственного развития и окончательным свержением монголо-татарского ига.

³¹ В. Л. Янин. Деньги и денежные системы. «Очерки русской культуры XIII—XV веков». Ч. 1, стр. 319.